

СНОВА ЗВУЧИТ БАХ

«МУЗЫКАЛЬНОЕ ПРИНОШЕНИЕ»

В сегодняшнем номере мы рассказываем о музыкально-просветительской работе консерватории, благодаря которой даже объемные монографические темы и сложные музыкальные произведения становятся в одинаковой мере интересными знатокам и доступными любителям музыки.

Исполнение редко звучащих произведений Баха всегда становится значительным событием в концертной жизни. Оно свидетельствует о все более возрастающем интересе к творчеству великого немецкого композитора, о стремлении исполнителей и слушателей открыть новые, до настоящего времени малоизвестные страницы баховского наследия. Казалось бы, еще не так давно произведением «за семью печатями» было одно из последних творений художника — «Искусство фуги». Теперь же оно наряду с бранденбургскими концертами, сюитами обретает права гражданства в репертуаре наших камерных оркестров. Возможно, что такая же счастливая судьба ожидает и другое прекрасное сочинение Баха — «Музыкальное приношение». Во всяком случае концерт, состоявшийся 19 января в Малом зале консерватории, дает повод для таких надежд.

«Музыкальное приношение» — одно из последних сочинений Баха. Написанное в 1747 году, за три года до смерти, оно, наряду с «Искусством фуги», явилось своеобразным завещанием великого мастера полифонии. Поводом к созданию этого уникального произведения послужили чисто внешние обстоятельства — поездка Баха в Берлин к сыну Карлу Филиппу Эмануэлю и по-

сещение резиденции Фридриха II в Потсдаме. Там Бах импровизировал на тему, предложенную королем, а по возвращении в Лейпциг написал на нее ряд полифонических пьес, которые и послал в дар Фридриху II.

Так возникло одно из уникальных баховских творений, в котором широта образного обобщения соединилась с невероятной, почти сверхчеловеческой изобретательностью мысли.

Стремление к сфере интеллектуальной, рационалистической чрезвычайно характерно для позднего периода баховского творчества. В Гольдберговских вариациях, органных канонических вариациях «С небесной высоты», «Искусстве фуги», «Музыкальном приношении» композитор подчас как бы выходит за рамки возможностей музыки, создавая грандиозные храмы разума. «Музыкальное приношение» — это и своего рода дань уважения величайшего мастера полифонии традициям предшественников.

«Музыкальное приношение» — сокровищница богатейшего опыта различных полифонических школ, переплавленная в едином, обобщающем баховском стиле. Здесь представлены и собственно старинные полифонические жанры канона, ричеркара, фуги и более «молодой», ориентированный в будущее сонатный цикл. Необычайно широк диапазон приемов полифонического письма, использованных в произведении. В этом отношении «Музыкальное приношение» как и «Искусство фуги» стало для многих композиторов настоящей школой контрапункта. Подобно старым полифонистам Бах выступает как недосыгаемый мастер отделки, шлифовки материала. Именно в

строгих рамках жанра вариационной обработки на заданную тему раскрылась удивительная полетность, одухотворенность баховской мысли.

Связи со старыми полифоническими школами проявились также в обращении к словесной и звуковой символике, в зашифрованности канонов — этих своеобразных музыкальных шарад, в отсутствии точных авторских регламентаций относительно состава исполнителей и композиции целого. Как известно, цикл тринадцати пьес, составивших «Музыкальное приношение», сочинялся Бахом частями. Композитор не оставил точных указаний относительно порядка следования частей, предоставляя свободу выбора самим музыкантам.

Такая зашифрованность, загадочность сочинения предъясняет особые, повышенные требования к исполнителям. Ведь им, наряду с интерпретаторскими, пришлось решать еще и чисто композиторские проблемы, связанные с инструментальной, выяснением композиционного плана. Расширение и усложнение исполнительских задач создает неисчерпаемые возможности проявления интеллекта, вкуса, чувства стиля, творческой фантазии музыкантов. Символическое библейское изречение «Ищите и обряцете!», предпосланное самим Бахом одному из нерасшифрованных канонов, может служить своеобразным эпиграфом «Музыкального приношения».

Безусловно, заслуживает внимания талантливая, выполненная со знанием баховского оркестрового стиля, инструментовка И. И. Чальшева. Здесь следует отметить и продуманное распределение оркестровых красок на про-

тяжении целой композиции, и интересное тембровое решение отдельных номеров, например, шестиголосного ричеркара, в котором достигнуто равновесие индивидуализированных, контрастных тембров деревянных духовых и струнных.

Исполнителям удалось найти оригинальное композиционное решение цикла, основанное на принципе тембрового контраста частей, которое, как показало исполнение, во многом оправдало себя.

«Музыкальное приношение» стало для молодых исполнителей трудной и прекрасной школой совершенствования ансамблевого мастерства. В то же время работа над этим сложнейшим произведением, безусловно, обогатила и каждого музыканта в отдельности. Ведь многие из них, вероятно, впервые имели возможность исполнить целиком развернутый полифонический цикл, раскрывающий бесконечные градации баховских образов, богатейший арсенал приемов контрапунктического развития.

Сложность задач, вставших перед оркестрантами в процессе работы над этим сочинением, была связана и с созданием цельной, выдержанной в едином стилистическом ключе композиции, и с необходимостью особенно отточенной, филигранной отделки деталей, выверенности голосоведения, нюансов, фразировки. Пожалуй, главную трудность в этом отношении представляют каноны — своеобразные зашифрованные афоризмы, «слепки» изощренной игры баховской музыкальной фантазии.

Особенно следует отметить ис-

полнение наиболее масштабных, развернутых пьес цикла — триосонаты и шестиголосного ричеркара. Последний прозвучал в двух вариантах: в конце первого отделения — в органном (исп. А. Семенов), в заключение концерта — в оркестровом. Регистровка, динамический рельеф обоих вариантов создают ощущение объемности, перспективы звучания этого камерного цикла.

Четырехчастная триосоната принадлежит к прекраснейшим страницам камерной инструментальной музыки Баха. Ее исполнение несомненно стало подлинным откровением, лирической кульминацией концерта. Участники ансамбля (А. Брусилковский — скрипка, А. Гольшев — флейта, Л. Голуб — клавесин, В. Пономарев — виолончель) удалось раскрыть сложный мир образов позднего творчества Баха, найти сплав особой приподнятости, отрешенности от всего суетного и вместе с тем страстности, взволнованности высказывания. Исполнители продемонстрировали профессионализм высокого класса, сказавшийся и в тонком ощущении позднего баховского стиля, и в отточенности ансамблевой техники, и, главное, в культуре эмоций и интеллекта.

Остается выразить самую глубокую признательность руководителю кафедры камерного ансамбля и квартета профессору А. Л. Зыбцеву, дирижеру и автору оркестровой версии и о. доцента И. И. Чальшеву, всем исполнителям. Они открыли для слушателей еще одно прекрасное, но к сожалению, столь редко звучащее произведение Баха. Живой интерес, непосредственная эмоциональная реакция, с которыми зал слушал одно из сложнейших баховских произведений, — вот высшая похвала молодым исполнителям и их наставникам.

И. ОХАЛОВА,
студентка IV курса теоретико-композиторского факультета.